

DOI: 10.7868/S086958731411019X

БОРЕЦ ЗА ИДЕАЛЫ ИСТИНЫ, ДОБРА И СПРАВЕДЛИВОСТИ

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ П.А. СОРОКИНА

Питирим Александрович Сорокин (1889–1968) относится к тому редкому типу учёных, чьё имя становится символом избранной им науки. При жизни его считали на Западе одним из живых классиков социологии XX столетия, стоящим в одном ряду с О. Контом, Г. Спенсером, М. Вебером. Возможно, в этом была некоторая доля преувеличения. Однако бесспорно, что к началу 1960-х, когда он уже около сорока лет был “американским” социологом, забытым, а точнее, преданным на своей родине забвению, казалось, уже навсегда, он прочно занимал место в первой десятке ведущих социологов мира. Взлёт на вершины науки уроженца зырянской деревушки, не знавшей даже замков на дверях, был стремителен и чем-то напоминает жизненный путь М.В. Ломоносова.

Большое искушение начать его биографию так: “Питирим Александрович Сорокин родился

23 января 1889 г. в далёком северо-западном углу России в бедной крестьянской семье”. А дальше к нашим услугам биографическое (точнее, “мифологическое”) клише, созданное “буревестником революции”: “детство” — “в людях” — “мои университеты”. Эта биографическая схема не приложима и к самому её создателю, и уж тем более — к Питириму Сорокину, который родился хотя и в простой, но вполне обеспеченной семье: его отец имел патент “золотых, серебряных и чеканных дел мастер”. Мать — зырянка по происхождению, умерла, когда Питириму было три года, и это горестное событие во многом предопределило его дальнейшую судьбу. После смерти матери отец начал пить и в периоды запоя напивался до белой горячки. Как-то он схватил молоток и набросился на сыновей: старшему, Василию, досталось по руке, а Питириму отец рассёк верхнюю губу (от чего остался шрам на всю жизнь). Братья убежали из дому, и с тех пор для Питирима (ему было в ту пору одиннадцать лет) началась самостоятельная жизнь. Братья Сорокины стали кочевыми ремесленниками, реставраторами церквей и церковной утвари.

В советское время бытовала легенда о том, как Сорокин обучился первоначальной грамоте. Якобы какой-то купец на ярмарке за рубль показал Питириму буквы, и он тотчас же начал писать, а чуть ли не через пару лет стал профессором, редактором эсеровской газеты и т.д. Всё это выдумка от начала и до конца. В своей автобиографии “A Long Journey” (“Длинный путь”, вышедшей на английском языке в США в 1963 г.) Сорокин пишет, что он не помнит, когда выучился искусству three R’s, то есть читать, писать и считать. Он предполагает, что этому его научил отец. В одном только отношении легенда, пожалуй, права: путь Сорокина от “простого деревенского парня”¹ до вершин отечественной и мировой науки был

¹ В одном из своих писем из Америки, адресованных тётке Анисье (в детстве заменившей ему мать), Сорокин писал: “Я из простого деревенского парня стал ведущим учёным не только Европы, но и Америки...” (цит. по [1]). Здесь же уточняется место рождения Сорокина: село Турья Яренского уезда Вологодской губернии (приблизительно в 120 км от Усть-Сысольска, ныне Сыктывкара Республики Коми).

стремителен. Но, зная о том, что в конце прошлого века зыряне по уровню грамотности населения стояли в России на третьем месте после немцев и евреев², не будем удивляться, что Сорокин получил вполне приличное начальное образование. В 1901 г. он окончил одногодичную церковно-приходскую школу в селе Палевицы, в 1904-м — Гамскую второклассную школу (где на пятерых выпускников приходилось пять учителей: факт, сам по себе говорящий о многом) и поступил в церковно-учительскую школу в деревне Хреново Костромской губернии. Здесь он познакомился со своим лучшим другом в будущем выдающимся экономистом Н.Д. Кондратьевым. Здесь же в 1905 г. Сорокин вступил в партию социалистов-революционеров. К тому времени он был уже весьма начитан в области социально-политической литературы, и выбор им партии эсеров был не случаен. “В противоположность марксистам, — вспоминал впоследствии Сорокин, — философия и социология эсеровской партии были гораздо более идеалистическими и интегральными. Они подчёркивают в первую очередь роль творческих идей, волевых усилий, борьбу за индивидуальность в противоположность борьбе за существование и важность неэкономических факторов, обуславливающих социальные процессы и человеческое поведение. Эти философские и социологические взгляды объясняют мою приверженность партии эсеров и иммунитет против идеологии марксистов” [2].

В 1906 г. за участие в революционном движении он был арестован полицией и четыре месяца провёл в тюрьме в г. Кинешма. Сорокин много общался здесь с другими политзаключёнными, много читал, наблюдал и уголовников (эти наблюдения пригодились ему позднее в работе над книгой “Преступление и кара”). Как неблагонадежный, Сорокин был отчислен из школы и отдан под надзор полиции по месту жительства. Из-под надзора полиции он бежал в Иваново-Вознесенск, где под псевдонимом “товарищ Иван” вёл революционную агитацию среди рабочих и крестьян. Осенью 1907 г. он отправился в Петербург и, прибыв в столицу, устроился с помощью первого профессора-зырянина К.Ф. Жакова на вечерние Чернявские курсы, окончив которые через два года, сдал экстерном экзамены за восемь классов гимназии. Получив аттестат зрелости, Сорокин некоторое время колебался относительно

² Как тут не вспомнить надменно-хрестоматийное “К зырянам Пушкин не пройдет”! По-видимому, существует какой-то всемирный нравственный закон, в силу которого никогда и никому не прощаются такого рода презрительно-уничтожительные слова в адрес другого народа. Написал как-то П.Я. Чаадаев, что японцы — всего лишь курьёзное отклонение от прямой линии всемирного прогресса. Чуть больше века прошло с того времени, как были написаны эти слова, и японцы с полным основанием могут их переадресовать нам.

Питирим Сорокин с Николаем Кондратьевым. Начало XX в.

но выбора своей будущей специальности: химия или социология? И относительно учебного заведения: Университет или Психоневрологический институт? Решение первой дилеммы в пользу социологии автоматически решило и вторую в пользу Психоневрологического института. Обстоятельства, однако, сложились так, что здесь Сорокин проучился лишь год, после чего перевёлся на юридический факультет Петербургского университета и очень быстро выдвинулся в число лучших студентов. С 1910 г. регулярно появляются его научные публикации. Круг научных контактов юноши необычайно широк и включает таких светил мировой науки, как И.П. Павлов и В.М. Бехтерев. Ещё студентом университета он с благословения своих учителей начинает читать студентам младших курсов собственные лекции по социологии, одновременно работая секретарём у М.М. Ковалевского. Последний почти сразу заметил необычайное научное дарование Сорокина и сыграл по отношению к нему ту же роль, что “старик Державин” по отношению к Александру Пушкину.

Годы общения с Ковалевским дали Сорокину чрезвычайно много, и дело даже не в том, что это был крупнейший учёный (с 1914 г. академик), видный политический деятель, публицист и журналист. Со всеми учёными-социологами Европы и Америки Ковалевский был знаком лично. Кроме того, он был одним из видных русских масонов начала XX в. Своим возрождением в России ма-

П.А. Сорокин с семьёй. 1934 г.

сонство обязано именно Ковалевскому. В 1887 г. он вместе с П.Н. Яблочковым (изобретателем электрической лампочки) открыл в Париже масонскую ложу “Космос”, а в начале 1906 г. получил разрешение от “Совета Великого Востока Франции” открыть масонскую ложу в России.

Видным масоном был и другой учитель Сорокина — Е.В. Де-Роберти. По-видимому, через своих учителей вовлечённым в масонство оказался и Сорокин, что обеспечило ему (помимо всего прочего) не только стремительное продвижение в науке, но впоследствии и довольно видный пост во Временном правительстве (напомним, что масоном был и премьер А.Ф. Керенский).

В конце марта 1913 г. Сорокин в очередной раз угодил в тюрьму. Поводом для ареста послужили сведения о том, что он якобы написал антимонархический памфлет (в 1913 г. отмечалось 300-летие династии Романовых), но, по-видимому, веских улик против него не было. В “предварилровке” он провёл около трёх недель, откуда отправил письмо Ковалевскому, в котором аргументировал (явно для полиции) свою непричастность к написанию памфлета нехваткой времени для этого, так как “написал за зиму книгу о карах и наградах” [3]. Благодаря поручительству Ковалевского и отсутствию улик Сорокин был освобождён. Одним из первых читателей книги (ещё в рукописи) был

известный российский социолог и философ-позитивист Е.В. Де-Роберти, который писал автору:

«Уважаемый Питирим Александрович!

Вашу книгу “О преступлении и наказании, подвиге и награде” я прочёл с большим интересом. Поздравляю Вас от души. Это — превосходная вещь, очень и очень ценный вклад в нашу и мировую науку, труд, которым может гордиться европейская социологическая литература, не говоря уже о русской.

Искренно преданный Вам

Е. Де-Роберти.

Март 1913» [4].

Что касается содержания книги, то это нечто гораздо большее, чем “социологический этюд”, как обозначено в подзаголовке. В некотором смысле это и нечто гораздо большее, чем “система социологии”. В целом концепция кар и наград построена Сорокиным почти безукоризненно, с полным знанием предмета, с аргументацией, местами отточенной до логической виртуозности.

В 1914 г. Сорокин окончил университет с дипломом I степени и был оставлен при кафедре уголовного права для подготовки к профессорскому званию и в том же году стал приват-доцентом кафедры социологии в Психоневрологическом институте. В 1916 г. он сдал магистерский экзамен, и на март 1917 г. была назначена защита его магистерской диссертации, в основу которой была положена книга “Преступление и кара”. И тут разразилась революция...

Февральскую революцию Сорокин встретил с воодушевлением. «Давно желанное совершилось, — писал он в статье “Политическая программа временного правительства”. — Старая власть и старый порядок, сковывавшие жизнь великого народа по рукам и ногам, — пали. На их смену приходит новый порядок и новая власть» [5].

Сразу же после революции Сорокин начал сотрудничать в эсеровской газете “Дело народа”. Но здесь он опубликовал лишь две статьи, а затем последовало его письмо в редакцию, в котором он заявлял о прекращении своей деятельности в газете из-за возникших среди эсеров политических разногласий. Группа “правых эсеров”, куда вошёл и Сорокин, откололась от партии, организовав самостоятельную фракцию и наладив издание собственной газеты “Воля народа”. В газете он опубликовал чуть ли не сотню статей, которые составляют солидный том — своего рода летопись русской революции. По публицистической страстности эту летопись можно поставить вровень разве что с “Окаянными днями” И.А. Бунина.

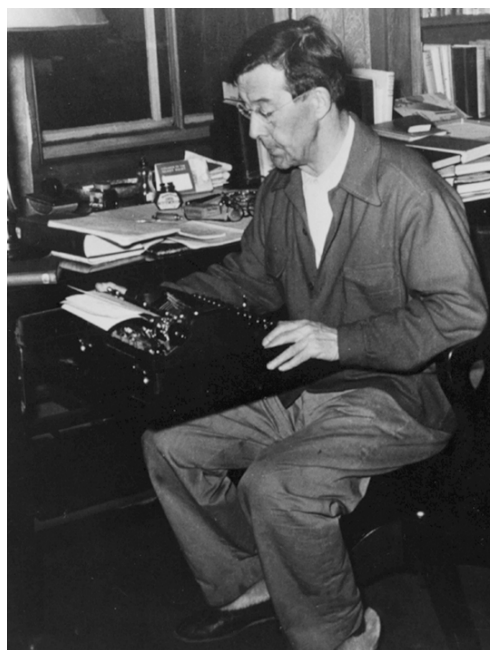
Для борьбы с наступающим большевизмом П.А. Сорокин предлагал решительные и даже крайние меры. “Эти люди, — писал он, — я уверен,

предвещают ужасные вещи. Если бы я был правительством, я бы арестовал их без колебаний. Если необходимо — я бы казнил их, чтобы предотвратить ужасную катастрофу, в которую они планируют окунуть страну” [6].

Через день после большевистского переворота Сорокин опубликовал в “Воле народа” статью “Победителям”. “Прежде всего, вы, господа большевики, — пишет Сорокин, — лгуны, жалкие лгуны... Ваша свобода — это рабство... Вы — просто негодяи... Вы — убийцы... Вы предатели революции... Час вашего падения близок. Он наступит. Он неизбежен. Страна пошлёт вам проклятие. Проклятие пошлёт вам и обманутые вами. И это проклятие заслужено вами” [7]. Не менее резко написаны и остальные “антибольшевистские” статьи, которые Сорокин публиковал до конца года почти каждый день. Всё это привело к закрытию газеты и аресту ведущих сотрудников редакции. 2 января 1918 г. П. Сорокин и А. Аргунов были арестованы чекистами. В тот же день на подходе к редакции был арестован М.М. Пришвин.

Сорокин провёл 57 дней в Петропавловской крепости вместе с бывшими министрами Временного правительства. А тотчас после освобождения прибыл в Москву, где встретился со скрывавшимся там А.Ф. Керенским. В конце мая Сорокин как член Учредительного собрания и Комитета спасения родины и революции отправился с антибольшевистской акцией в Архангельск, где ожидалась высадка английского экспедиционного корпуса. Есть сведения, что его прочили на пост министра в будущем Северном правительстве. Операция, однако, не увенчалась успехом: Сорокин не добрался даже до Архангельска, а вынужден был два месяца скрываться в северодвинских лесах. Его объявили “врагом народа № 1” и назначили за его голову награду.

Не желая подвергать смертельному риску скрывавших его людей, Сорокин, добровольно сдался новым властям. В тюрьме великоустюжской ЧК, приговорённый к расстрелу, он пробыл до середины декабря 1918 г., каждый день ожидая смерти. 12 декабря его вызвали на допрос и ознакомили со статьёй В.И. Ленина “Ценные признания Питирима Сорокина”. По личному распоряжению Ленина Сорокин был доставлен в тюрьму московской ЧК и здесь освобождён. Своим “чудесным” избавлением от смерти Сорокин обязан отчасти и случайным обстоятельствам. В великоустюжской тюрьме его узнал один большевистский комиссар, бывший его студент. Он отправился в Москву и сообщил Г. Пятакову и Л. Карахану, университетским друзьям Сорокина, о вынесенном ему приговоре. Те немедленно отправились к Ленину и добились освобождения товарища. На этом политическая деятельность Сорокина закончилась. Через несколько дней по-

За работой

сле освобождения он вернулся в Петроград и приступил к чтению лекций в университете.

Главным научным достижением этого короткого, но очень бурного и трагического периода жизни Питирима Александровича стала его двухтомная “Система социологии”. Это фундаментальное произведение поставило Сорокина в число ведущих социологов России XX в. Предложенные в нём классификации “поведенческих актов”, “проводников” и т.п. не утратили своего значения и по сей день. Сорокин стоял на позициях отрицания социального монизма и социологического смысла понятия “класс”, которому он противопоставлял своё учение об элементарных и кумулятивных социальных группах.

1919–1922 гг. — последние годы, проведённые Сорокиным в России, он в своих воспоминаниях называет *Life in Death*: жизнь в смерти. Список его научных трудов за это время внушительен: четыре книги (в том числе двухтомная “Система социологии” и уничтоженное властями фундаментальное исследование “Голод как фактор”), около 20 статей и столько же рецензий. Научная и публицистическая деятельность Сорокина явно пришлась не по нутру большевикам, особенно его статьи, которые он регулярно публиковал в журнале “Экономист”. В письме к Дзержинскому от 19 мая 1922 г. Ленин писал по поводу журнала: “Это, по-моему, явный центр белогвардейцев. В № 3 (только третьем!!! это nota bene!) напечатан на обложке список сотрудников. Это, я думаю, почти все — законнейшие кандидаты на высылку за границу” [8]. У читателя может сложиться впе-

Обложки книг П.А. Сорокина

чатление, что Ильич имеет в виду какую-нибудь незначительную кучку “белогвардейцев”, насчитывающую пять-шесть человек. Но нет, в списке лиц, привлечённых к участию в “Экономисте”, 53 человека.

23 сентября 1922 г. П.А. Сорокин навсегда простился с Россией. С собой он увозил воспоминания о “детстве в Зырянки”, солидный багаж знаний, приобретённых в Петроградском университете, и два чемодана рукописей. На нём были: ботинки, подаренные ему чешским учёным, костюм, которым его снабдила АРА (Американская администрация помощи голодающим Поволжья), и 40 рублей денег в кармане. С ним в изгнание уезжала и его верная спутница Елена Петровна.

28 сентября 1922 г. чета Сорокиных прибыла в Берлин, и уже через неделю Питирим Александрович прочитал здесь свою первую лекцию о современном состоянии России. Ещё через несколько дней он прибыл в Чехословакию по личному приглашению президента Т.Г. Масарика (с которым познакомился ещё в России). Здесь Сорокин пробыл около года: как всегда, он много писал (четыре книги, масса статей), редактировал журнал “Крестьянская Россия”, часто выступал. И всё же душа его рвалась в Америку. Дело даже не столько в том, что Соединённые Штаты в то время были крупнейшим мировым центром социологической мысли. В характере и натуре самого П.А. Сорокина было нечто “американское”, что, пожалуй, делало его “американистей самых что ни на есть американцев”. Недаром ещё в России коллеги называли его в шутку “русским американцем”. Теперь шутка обернулась пророчеством.

Академическая карьера Сорокина в США отмечена непрерывными ступенями роста: в 1924—

1929 гг. он преподавал социологию в университете Миннесоты, в 1929 г. его пригласил Гарвардский университет, в котором Сорокин работал до пенсии (1959). Наконец, в 1964 г. он был избран президентом Американской социологической ассоциации. Основные научные достижения американского периода творчества Сорокина касаются проблем социальной мобильности и социокультурной динамики. Книга “Social and cultural mobility” (“Социальная и культурная мобильность”) до настоящего времени остаётся классическим трудом в этой области. В ней автор впервые ввёл такие понятия, как *социальное пространство*, *вертикальная и горизонтальная мобильность*, ставшие с тех пор общеупотребительными.

Следующая крупная работа Сорокина “Social and cultural dynamics” в 4-х томах, 1930–1937 (“Социальная и культурная динамика”; сокращённое однотомное издание вышло в 1957 г.), принёсшая ему мировую известность, является своего рода компромиссом между заявленной в книге “Социальная и культурная мобильность” невозможностью обнаружить “цель в истории” и претензией сформулировать предельно общие причины социокультурных изменений. Сорокин вводит фундаментальный для его системы “принцип ограничения” (или предела, лимита), который, не отменяя указанного общего положения, сужает сферу его действия: в каких бы направлениях и как бы бесцельно ни “вращался” человек, он не может, например, оторваться от земли и вращаться в воздухе. Точно так же — общество в целом. Если невозможно точно предсказать, куда идёт общество и каким оно будет через определённый отрезок времени, то всё же можно сравнительно точно установить, каким оно не может быть и куда оно никогда не придёт. В книге “Социальная и культурная динамика” понятие “общество” упоминается крайне редко: Сорокин исследует здесь “культуру” — понятие более широкое, чем “общество”, и включающее его в себя. Эмпирико-статистическое изучение искусства, науки, религии, права привело Сорокина к выводу, что в истории существуют три суперсистемы, периодически сменяющие друг друга: идеациональная, идеалистическая и чувственная. Каждая из них характеризуется тем или иным пониманием реальности, природой потребностей, степенью и способом их удовлетворения. Так, для идеационального типа культуры характерна всесторонняя (то есть существующая в науке, искусстве, философии, праве и даже в быту) ориентация на трансцендентные (потусторонние, или сверхчувственные) ценности. В культуре чувственного типа, напротив, преобладающим влиянием пользуются материальные и материалистические ценности. В идеалистическом типе культуры синтезированы ценности культур двух вышеперечисленных типов. Кроме того, существует тип

культуры, где ценности чувственного, идеационального и идеалистического типов сосуществуют, не образуя органической связи. Такой тип культуры, как правило, характерен для эпохи упадка. Каждый тип культуры имеет свой закон развития и свои “пределы роста”. Это и есть социокультурная динамика. Для полноты картины циклическую смену социокультурных типов, по мнению Сорокина, следует дополнить перемещением центра “культурного лидерства” в географическом пространстве. В “интегральной философии” Сорокина, как он сам характеризовал своё мировоззрение, можно увидеть черты русской “соборности”, перетолкованной на американский (или, если угодно, на общечеловеческий) лад. Современная эпоха кризиса, по Сорокину, закончится созданием новой идеациональной культуры, а центр культурного лидерства на рубеже XX–XXI вв. переместится в Россию. Найти выход из кризиса поможет, считал он, только распространение в мире идей альтруистической любви, всестороннему изучению и пропаганде которой учёный посвятил последние годы жизни, работая в созданном им Гарвардском центре по изучению творческого альтруизма.

Как правило, оценивая вклад Сорокина в науку и культуру, перечисляют не отдельные его сочинения, а научные направления, им основанные или значительно продвинутые, как, например, аграрная социология, социология революции, теория конвергенции и т.д. Особое место в наследии Сорокина занимают его труды по истории социологии (“Contemporary Sociological Theories” и “Sociological Theories of Today”), в которых дано изложение истории социологии и социальной философии от античности до начала 60-х годов XX в. Касаясь истории социологии, Сорокин умело сочетает хронологический, национальный и

тематический подходы. Первая из указанных книг по истории социологии в течение более чем двух десятилетий служила основным учебным пособием по данному предмету в американских колледжах и университетах. В силу разного рода обстоятельств Сорокин не создал собственной научной школы. Определённое влияние он оказал на своих студентов и аспирантов, среди которых ставшие знаменитыми социологи Р. Мертон и Э. Тириакиян. Тем не менее среди великих социологов XX в. Сорокину принадлежит одно из почётных мест. Не меньшую ценность представляет сам человеческий образ Сорокина, образ учёного, способного активно бороться за проведение в жизнь исповедуемых и проповедуемых им идеалов истины, добра и справедливости.

В.В. САПОВ,
МГУ им. М.В. Ломоносова
vadven56@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. *Липский А.В., Кротов П.П.* Зырянский след в биографии Питирима Сорокина // Социологические исследования. 1990. № 2. С. 133.
2. *Sorokin P.A.* Long Journey. Durham: Duke University Press, 1963. P. 39.
3. Социологические исследования. 1989. № 3. С. 105.
4. ЦГАОР. Ф. 602. оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 5–6.
5. Ежемесячный журнал. 1917. № 2–4. С. 333, 344, 345.
6. *Сорокин П.* Страницы из русского дневника // Рубеж. 1991. Альманах социальных исследований. № 1. С. 65.
7. Воля народа. 1917. № 156. 28 октября.
8. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. М.: Политиздат 1975. С. 265, 266.